

ВСПОМИНАЯ ДРУГА

Молодой человек появился на студии «Таллинфильм», когда она ещё называлась «Таллинская студия кинохроники» и как-то сразу стал заметной фигурой среди многочисленного, молодого состава кинорботников, во многом состоявшего из воинов Эстонского Гвардейского корпуса.

Молодого человека звали Александр Сергеевич Васильев – сценарист, недавний выпускник ВГИКа, участник войны.

С тех пор прошло уже 50 лет, а я помню всё до мельчайших деталей. Выходец из интеллигентной семьи, родственник Бурденко, Васильев был очень образованным человеком. Пишу так не потому, что он ушел из жизни. Он таким был, и это правда. Он знал литературу так глубоко, как многие её не знают. Обладая великолепной памятью, он, дискутируя, цитировал длинные абзацы писателей, учёных, политиков...

С самого прихода его на студию и до конца его дней наша дружба не прерывалась. Когда он уехал, мы активно переписывались, звонили по телефону друг другу. Приезжая в Москву, я первым делом шел к нему. И были у нас тогда бесконечные беседы, длившиеся порой за полночь. Каждая из написанных им книг дарилась мне с тёплыми, дружескими словами. Спустя десятилетия, когда я возвращался из Москвы, многие, помнившие его, задавали один и тот же вопрос: «Как там поживает наш Васильев?».

Его помнили потому, что с его появления на «Таллинфильме» творческая жизнь активизировалась. Он стал настоящим лидером нашего сообщества.

Однажды в Москве, это было лет двадцать тому назад, Саша дал мне почитать написанные им воспоминания о приезде в Таллин. Сказал: «Оставь эти записки себе, может быть, когда-нибудь пригодятся». И, сейчас, когда я пишу эти воспоминания, я цитирую записки моего друга, которые он назвал «Моя работа в Таллине и некоторые мысли о кино тех лет». Все начиналось не так просто...

«Было шесть утра, когда поезд привез меня в Таллин. Город спал, погруженный во мрак, только где-то высоко, на Вышгороде, в редких окнах тускло горел огонь. Я шел с тяжелым чемоданом в руке по узкому, скорее угадываемому, чем

различаемому тротуару, петлявшему вдоль крепостной стены. Я не знал, правильно ли иду, а спросить, где находится киностудия, мне было не у кого. Город казался вымершим – ни прохожих, ни машин. Под ногами шуршала слабая позёмка, ноздри ловили кисловатый дымок... В ущелье идущей под уклон улицы виднелось издали светящееся табло: «Телеграф». Как путник, затерянный в океане, я поспешил туда. Хотелось скорее укрыться от мерзкого, зимнего, но с какой-то мокротью ветра, проникавшего в глубины тела.

Стеклянные двери приветливо пропустили меня в просторный зал. Там было тепло. У стойки, посередине зала, стояли несколько человек. Я поставил чемодан, пошевелил пальцами, разминая затекшую руку и, пристроившись поудобнее, начал писать. «Дорогая мамочка, – писал я, – только что приехал в желанный и таинственный Таллин. На первый взгляд город мне нравится: дома совсем другой архитектуры, чем у нас в Пензе. Я, конечно, уже видел нечто подобное в Германии, но для тебя это было бы в диковинку. Представь себе гору, а на ней крепость. Стены толщиной (я написал «в два», потом зачеркнул – ну, что два метра) метра в четыре и больше, в бойницах кое-где горят огоньки, тусклые-тусклые, масляные или газовые. Под стеной площадь, на ней – ратуша. Вот уж поистине средневековье, даже сохранился железный ошейник, в который заковывали осуждённого.

Словом, нисколько не жалею, что меня направили работать в этот город. Люди здесь (я долго искал определение, ибо явно врать не хотел, но надо же было подбодрить вечно озабоченную моей судьбой маму) неплохие, европейски воспитанные, разговаривают учтиво. Студия находится на улице Хярья – только когда будешь мне писать, пожалуйста, не спутай, пиши точно! – помещение прекрасное, встретили меня с уважением. Ещё бы: главный редактор. Это, как я тебе уже говорил, после директора – второе лицо...». Так думал Александр Васильев, не переступив ещё порог студии. А иначе, по его мнению, и не могло быть. Ведь направление у него из самого Министерства кинематографии СССР. Но получилось все наоборот. Впрочем, сошлюсь на его воспоминания.

(Окончание на с. 13)

ВСПОМИНАЯ ДРУГА

(Окончание. Начало на с. 4)

«Встретили меня неприветливо. Директор, худощавый брюнет со впалыми щеками, похожий на футболиста, еще молодой, поднялся из-за стола, пожал мою руку, кивнул на стул. Я сел, вынул из кармана документы: выписку из приказа и направление. Директор, читая, пожал плечами, потом усмехнулся, но сделал вид, что пытается вникнуть в смысл написанного. На самом деле он всё понял в коротеньком и ясном тексте и лишь обдумывал, как поступить.

– Что ж, сказал он наконец, – раз уж вы приехали, надо вас где-то поместить. У вас здесь есть родственники, знакомые?

– Нет.

Директор снял трубку местного служебного телефона, сказал кому-то, чтобы для меня забронировали номер в гостинице. Затем он позвонил в республиканское министерство кинематографии. Его соединили с министром. Первые вводные фразы он произнес по-русски, но дальше говорил по-эстонски.

– Сейчас министр занят, – сказал он, положив трубку. – Просил прибыть к нему через час.

Глаза у министра были добрыми, с каким-то крестьянским юморком, и напомнили мне что-то родное.

Министра звали Владимир Антонович Рийс. Ему предстояло решить то, чего не мог решить директор студии, а именно – отправить меня восвояси за ненадобностью. Министр устал был в мое направление. Морщины на его тёмном, крестьянском лбу стали ещё заметнее.

– Черт знает! – воскликнул он. – Дают нам единицу, когда мы их об этом не просили. Главный редактор! Зачем он нам, когда у нас нехватает хороших операторов, инженера по аппаратуре, звукооператоров. Да и выпускаем мы пока еще так мало продукции, что имеющийся у нас редактор вполне справляется.

– К тому же, – вставил директор, – наша хроника – а кроме хроники мы пока ещё ничего ничего не выпускаем, – требует исключительного знания эстонского языка.

Да, я понял, что наступил решающий момент, от которого зависит, останусь я здесь или нет. Однако мне почему-то стало вдруг легко, и я с радостью скорей уехал бы отсюда. Они меня не хотят, но и я их тоже не жажду.

Но какая-то упрямая сила уже поднялась во мне. Честолюбие, спрятанное в неведомых тайниках моей души, вдруг вылезло на поверхность. Чтобы я, гордость курса, надежда моих профессоров, вернулся в Москву с побитой мордой?

– Хорошо, – сказал я с интонациями графа Монте-Кристо, – я вас понял и готов уехать. Только прошу написать мне здесь, – я привстал и ткнул пальцем в направление, – всё то, что вы мне сказали.

– Что написать? – нахмурился министр.

– То самое. Что вам не нужны специалисты моего профиля. Что вы не собираетесь выпускать художественные фильмы. И вообще, что там, в Москве, где, между прочим, мне говорили совершенно обратное тому, что сейчас говорите вы, вот, – я окинул своих оппонентов дерзким и неумолимым взглядом, – в Москве не ведают, что творят.

Министр всколыхнул.

– Ну, знаете ли... это вы бросьте, мы так не говорили. Верно ведь, сельтсимеес Данилович?

– Конечно! – Данилович насмешливо-протестующе замотал головой. – Это демагогия.

– Вредная притом. – Рийс весь побагровел. В эту минуту мне почему-то стало жалко его. Ну, чем я, молодой, здоровый бугай, довел этого старого человека чуть ли не до кондрашки?

Я подождал, пока кровь хоть немного отхлынет у него от лица и выложил свой последний козырь.

– Что же касается меня, то я, товарищи, оставляю за собой право по возвращении в Москву изложить министру или его заместителю свои соображения по поводу всего, что я здесь увидел и услышал. Все... Я кончил.

В комнате воцарилась напряженная тишина. Министр хмуро смотрел на маленькую бумажку и нерешительно вертел ручку в своих узловатых, как у старого крестьянина, пальцах. Директор тоже нахмурился, весь вытянувшись, как перед прыжком.

– Так что же мы будем делать? – спросил Рийс. Данилович помолчал, потом сказал примирительно: – Вообще-то, я сейчас подумал, сельтсимеес, Васильев в чём-то прав. Человек с высшим образованием нам в редакции нужен... так сказать, как теоретик. А мы будем его учить практике. Опять, так сказать, взаимная польза. И если подойти, сельтсимеес Рийс, к этому вопросу диалектически...

Министр вдруг расхохотался.

– Сельтсимеес... Вот мы уже все друг друга так кроем. А он, наверное, ещё не знает, что «сельтсимеес» по-эстонски – «товарищ». – Запомните это, – он встал и сделал шаг ко мне, протянул руку. – С этого хорошего слова, я надеюсь, вы начнёте осваивать Эстонию и её народ. Как?

Я посмотрел в его голубые крестьянские глаза и крепко, с чувством, пожал протянутую руку.

Свою деятельность на студии «Таллинфильм» главный редактор начал с того, что стал активно готовить студию к съёмкам художественных фильмов. Знакомился и вёл длительные разговоры с эстонскими писателями, обещал им творческое содействие. В это время, уже при Васильеве, режиссёр Александр Мандрыкин начал снимать первый цветной фильм «Когда наступает вечер». Это был концертный фильм. Снимались в нем эстонские оперные и драматические актёры. В республике фильм имел успех.

Однажды со своим сценарием на студию появился радиожурналист, бывший моряк Алексей Лихобабин. Сценарий был

озаглавлен «Яхты в море». Это был, конечно, никакой не сценарий, сырой материал, написанный без элементарных знаний киносценариста. Главный редактор предложил автору переписать, рассказав ему, что следует переделать. Так продолжалось три раза, но всё было безуспешно. Лихобабин предложил Васильеву соавторство, но главный не согласился. В те годы в кино это не поощрялось. Но директор Николай Данилович, кстати, проработавший директором студии 28 лет, уговорил главного взяться за эту работу. Сценарий в Москве утвердили. Из Москвы пригласили режиссёра Михаила Егорова. Я был назначен главным оператором.

С этого времени «Таллинфильм» стал студией не только документальных фильмов. Благодаря молодому главному редактору Васильеву эстонская студия стала первой снимать художественные фильмы среди республик Балтии. Вместе с тем он активно развивал и кинодокументалистику. Наши документальные фильмы стали удостаиваться фестивальных призов. Тогда по всей стране ежегодно проводились региональные кинофестивали. В наш регион, кроме республик Балтии, входила и Белоруссия.

Как-то мы поехали на кинофестиваль в Ригу. С нами ехали директор студии и главный редактор. С утра и до позднего вечера шли просмотры, были творческие конференции, дискуссии. Активным участием Васильев обратил на себя внимание участников фестиваля. Он говорил убедительно и бескомпромиссно. Фильмы и киножурналы имели там успех.

Я был свидетелем, когда директор Рижской студии обратился к Даниловичу и завёл с ним разговор о Васильеве. Он деликатно спросил, не согласится ли коллега отпустить главного редактора на работу в Рижскую студию. Видимо, до рижанина дошла вся перипетия с устройством на работу молодого специалиста. Данилович категорически отказал, Александр Сергеевич тоже деликатно отказался.

И литовские кинематографисты тоже заикнулись – не пожелает ли Александр Сергеевич приехать на работу к ним...

Ведь вот как бывает, подумал я. С каким трудом происходило устройство его на «Таллинфильм» – и с каким триумфом пошла его творческая деятельность после кинофестиваля в Риге.

Пусть эти воспоминания об Александре Васильеве будут светлой памятью о нём.

Семен ШКОЛЬНИКОВ,
Таллинн, 04.03.2002 г.

ОТ РЕДАКЦИИ: Васильев Александр Сергеевич – автор многих книг: «Умереть, чтобы жить», «Вестфальский горошек», «Возвращение к легенде», «Мы не сдались», «Цветы для Штукентрока» и др., автор более 30-ти сценариев документальных и художественных фильмов: «Такая судьба», «Жернаков – 22 августа», «Уроки Бурденко», «Яхты в море» и др.